

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕРНОЗЕМНОГО ЦЕНТРА РОССИИ В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Е. Ю. Захарова

Воронежский государственный университет

В работах по истории отечественной археологии 20-е гг. XX века всегда выделялись в самостоятельный этап, знаменующий становление советской археологии¹. Нижняя хронологическая граница этого этапа определяется самим фактом Великой Октябрьской социалистической революции, а верхняя — резким усилением идеологического давления в конце 20-х — начале 30-х гг. Как в центре, так и в регионах была проведена серия теоретических дискуссий и организационных перестроек научных учреждений, ставших началом нового периода в истории отечественной археологии.

Окончание гражданской войны в центральных районах России, а также введение новой экономической политики способствовало некоторой стабилизации жизни в стране. В области археологии это проявилось в том, что ученые получили возможность вести раскопки, публиковать свои труды, создавать новые научные центры.

Применительно к 20-м годам XX века говорить о существовании региональной археологии Центрального Черноземья вряд ли уместно. Ее становлению в эти годы способствовала деятельность ведущих столичных археологов. Важнейшими научно-исследовательскими учреждениями археологического профиля в 20-е годы становятся Российская (с 1926 г. Государственная) академия истории материальной культуры, основанная в г. Петрограде в 1919 году на базе Императорской археологической комиссии², и Институт археологии и искусствоведения Российской ассоциации научных институтов общественных наук (с 1926 г.) в г. Москве³. Именно в этих учреждениях продолжа-

ют свою деятельность ведущие археологи страны, а также формируются кадры нового поколения исследователей, уже на базе марксистской идеологии. Если говорить о роли этих учреждений в развитии археологии Центрального Черноземья, то следует отметить, что связь с указанным регионом сотрудников столичных учреждений базировалась на дальнейшей разработке той проблематики, которая была в русле их научных интересов.

В этой связи, прежде всего, следует отметить деятельность Петра Петровича Ефименко, который в 20-е гг., будучи ведущим научным сотрудником ГАИМК, в течение ряда лет руководил экспедицией для изучения палеолитических культур (1923—1926 гг.), затем юго-восточной экспедицией (1925—1929 гг.). Основным объектом исследования этих экспедиций стал Костенковско-Борщевский микрорайон верхнепалеолитических памятников на территории тогдашней Воронежской губернии, где в конце 20-х годов были получены и яркие свидетельства по археологии донских славян.

Хотя открытие палеолита в с. Костенки относится к концу 70-х гг. XIX века, началом деятельности Костенковской палеолитической экспедиции принято считать 1922 г., когда по поручению Воронежского губернского музея хранитель его С. Н. Замятнин (подробнее об этом исследователе речь пойдет ниже) произвел раскопки стоянки Борщево I (открытой в 1905 г. А. А. Спицыным) и разведочные работы в Костенках⁴. В том же году П. А. Никитиным была обнаружена стоянка Борщево II, расположенная на берегу Дона в центре села⁵.

С 1923 г. экспедицию возглавил П. П. Ефименко, который в том же году совместно с С. Н. Замятниным по поручению и на средства Русского музея провел раскопки стоянок Костенки I, Борщево I и Борщево II, тогда же были открыты стоянки Костенки II, Костенки III и Борщево III⁶.

В следующем году тогда сотрудниками Воронежского областного музея краеведения М. Е. Фосс

⁴ Археологические экспедиции ГАИМК и ИА АН СССР 1919—1956 гг.: Указатель. М.: 1962. С. 18.

⁵ Векилова Е. А. Летопись работ Костенковской палеолитической экспедиции (1922—1976 гг.) // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л., 1977. С. 208.

⁶ Там же.

© Захарова Е. Ю., 2006

¹ Массон В. М. У истоков теоретической мысли советской археологии // КСИА АН СССР. М.: 1980. Вып. 163. С. 19; Генинг В. Ф. Очерки по истории советской археологии. Киев, 1982. С. 14—15; Пряхин А. Д. История советской археологии (1917 — середина 30-х гг.). Воронеж, 1986. С. 8—9; Мерперт Н. Я. Введение // Антология советской археологии. Т. 1. М.: 1995. С. 3—4; Формозов А. А. Русские археологи до и после революции. М.: 1995. С. 37.

² Пескарева К. М. К истории создания Российской Академии истории материальной культуры // КСИА. 1980. № 163. С. 26—30.

³ Очерки истории исторической науки в СССР. М.: 1966. Т. 4. С. 233—234.

и Д. Д. Леоновым были проведены сборы подъемного материала на стоянках Костенки I и Борщево II. А в 1925 г. П. П. Ефименко по поручению Московской секции Российской Академии истории материальной культуры и Российского Исторического музея исследовал стоянки Борщево I, Борщево II и Борщево III⁷.

С 1926 г. работы в Костенковско-борщевском микрорайоне проводятся в рамках деятельности Юго-восточной экспедиции ГАИМК (руководитель археологических работ П. П. Ефименко). В указанном году были проведены разведочные работы в ближайших окрестностях Костенок I, в ходе которых был обнаружен новый памятник типа Костенок I. В 1927 г., уже будучи аспирантом ГАИМК, в рамках работы указанной экспедиции С. Н. Замятнин произвел раскопки Костенок II, III и открыл новые стоянки: Костенки IV, VI и XX. Помимо того, С. Н. Замятнин провел разведки в Поповом, Чекалином, Марухином, Покровском, Аносовом и Александровском логах, где были обнаружены кости вымерших животных без каких-либо следов деятельности первобытного человека. В 1928 г. П. П. Ефименко, при участии П. Н. Третьякова, произвели небольшие раскопки на стоянках Костенки III и IV и разведочные работы на вновь открытых стоянках Костенки V, XIV. В 1929 г. они же (при участии П. И. Борисковского и Л. Н. Соловьева) исследовали стоянки Борщево II и Костенки VI. Во время разведочного маршрута Н. В. Сибилевым были обнаружены остатки палеолита в селе Рудкино⁸.

Археологические раскопки у сс. Костенки и Борщево стали заметным явлением и в истории развития славянской археологии Подонья. В 1928—1929 гг. были проведены раскопки на I и II Борщевских городищах, а также раскопки курганной группы к югу от I Борщевского городища⁹.

В эти же годы раскопки были произведены на двух городищах у северной окраины г. Воронежа — Кузнецовском и у Михайловского кордона, а также на Кузнецовском и Лысогорском могильниках. В раскопках 1928—1929 гг., проведенных под руководством П. П. Ефименко, участвовали П. И. Борисковский, В. К. Быстржинский, Н. В. Валукинский, Е. Ф. Лагодовская, Д. Д. Леонов и П. Н. Третьяков¹⁰.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 208—209.

⁹ Археологические экспедиции ГАИМК и ИА АН СССР 1919—1956 гг.: Указатель. М.: 1962. С. 33.

¹⁰ Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону // МИА. 1948. № 8. С. 8—9.

В результате работ 1928—1929 гг. на Большом Борщевском городище были раскрыты остатки восемнадцати полуземляночных построек, из которых большинство являлось некогда жилыми помещениями, ряд ям-хранилищ и участок, занятый легкими сооружениями, имевшими, вероятно, вид навесов. Все эти постройки составляли как бы две группы, из которых большая, отличающаяся своей компактностью, занимала восточный склон, обращенный к Дону, меньшая же, состоящая из расположенных отдельно одно от другого жилищ, — противоположный западный склон. На гребне площадки оставалось некоторое свободное пространство, нечто вроде прохода или проезда¹¹. В течение 1928—29 гг. была исследована площадь около 700 кв. м. За небольшим исключением все сооружения, исследованные на городище, существовали в одно время.

В 1929 г., во время раскопок на городище, было произведено исследование четырех курганов в северной части большого могильника, расположенного в 400—450 м к югу от городища и состоявшего из нескольких сотен насыпей. Все насыпи были раскопаны целиком, что позволило выявить неизвестную до того времени деталь в устройстве погребальных сооружений¹². Во всех четырех курганах, содержащих останки кремации, по их периферии, под насыпями были обнаружены остатки округлых оград, состоящих из вертикально поставленных толстых дубовых плах. Все 13 сосудов, обнаруженные в курганах, находят аналогии керамике с городища.

Работы на Малом Борщевском городище следует считать исследованиями разведочного характера, имевшими целью выяснить характер памятника и его отношение к Большому городищу. Для разрешения указанных вопросов в 1929 г. на нем были исследованы четыре жилища¹³.

Помимо исследования славянских памятников на р. Дон в районе с. Борщева, в 1928 г. были проведены раскопки городищ на р. Воронеж. Наиболее значительные раскопки были предприняты здесь на Кузнецовском городище, которое когда-то было определено как хазарское укрепление. Поверхность городища в 1928 г. была занята дачами и фруктовым садом, поэтому при выборе места для раскопа пришлось остановиться на наиболее свободных от плодовых деревьев участках, которые оказались в центральной части площадки городища, ближе к ее восточному концу. Здесь были заложены два

¹¹ Там же. С. 18—20.

¹² Там же. С. 81.

¹³ Там же. С. 73.

раскопа размером 5×13 и 7×10 м. В каждом раскопе были открыты остатки жилых комплексов, состоящих каждый из трех полуземляных жилищ. Но, если обнаруженные в первом раскопе сооружения все являлись некогда жилыми помещениями, то во втором комплексе одно из помещений было кузницей¹⁴.

На городище у Михайловского кордона для исследования были выбраны остатки двух жилищ, расположенные в южной части памятника. Слой в обоих раскопах почти не содержал находок, за исключением нескольких десятков мелких обломков лепной керамики и костей животных. В первой постройке были обнаружены остатки печи-каменки, а во второй землянке простейший очаг¹⁵. Исследователи отмечали, что столь незначительные раскопки для такого огромного памятника, каким является городище у Михайловского кордона, носили рекогносцировочный характер, и дали возможность утверждать, что данное городище принадлежит к той же эпохе, что и другие славянские памятники, исследованные в 1928—1929 гг.¹⁶

В 1928 г. были также произведены раскопки одного кургана на Лысой горе и двух курганов на Кузнецовском могильнике вблизи одноименного городища. Раскопки, по мнению исследователей, имели целью дополнить старые материалы, полученные в результате раскопок, как правило, не целых насыпей, а лишь их центральных частей, и выяснить отношение этих могильников к соседним городищам — Кузнецовскому и у Михайловского кордона¹⁷.

Особенностью лысогорского кургана, отличающей его от борщевских, явилось то, что деревянный ящик оказался обугленным, а под центром насыпи на горизонте лежал мощный зольный слой с вкраплениями угля. Данный слой мог явиться, по мнению авторов раскопок, результатом разведения большого огня на месте кургана с ритуальными целями. Другой особенностью явилась яма, расположенная перед ящиком и содержащая несколько костей крупного рогатого скота¹⁸. Оба кургана, раскопанные в Кузнецовском могильнике, оказались очень бедными по сопровождавшему их инвентарю.

В 1930 г. раскопок экспедицией под руководством П. П. Ефименко не производилось.

С территорией Воронежской губернии в 20-е годы была связана и деятельность известного оте-

чественного археолога, в то время возглавлявшего отдел археологии РАНИОН, Василия Алексеевича Городцова. В 1927 г. он возглавил Воронежскую экспедицию РАНИОН по изучению могильника «Частые курганы» под г. Воронежем. Им было раскопано 4 кургана, содержавшие в основном скифские захоронения, которые автор вслед за М. И. Ростовцевым датировал IV—III вв. до н.э. Результаты этих работ были опубликованы двадцать лет спустя, уже после смерти исследователя¹⁹.

Но не только деятельность столичных ученых определяла содержание периода 20-х гг. XX века в археологии Центрального Черноземья. Послереволюционные годы в нашей стране были отмечены быстрым ростом краеведческих обществ и музеев. По данным на 1927 г., за десять лет число таких обществ возросло с 61 до 1112, а музеев — с 94 до 576²⁰. Люди, вошедшие в эти объединения, интересовались и археологией. Деятельность местных краеведческих обществ направлялась Центральным бюро краеведения (ЦБК), возглавлявшимся Д. Н. Анучиным и вице-президентом Академии Наук С. Ф. Ольденбургом. Активным сотрудником ЦБК был археолог А. А. Спицын.

В 1921 г. историко-археологическое общество организуется в г. Воронеже. Оно именовалось Воронежским Отделом «Общества по исследованию памятников древности имени А. И. Успенского» при Московском Археологическом институте. Целью общества провозглашалось «научное обследование старины вообще, а — местной, ... в особенности»; задачами объявлялись следующие: «...и научные экскурсии, и раскопки, ...и устройство исторических, археологических... выставок и многое другое»²¹.

Археологическая направленность деятельности Воронежского краеведческого общества в 20-е годы связана в первую очередь с именем Сергея Николаевича Замятина. Его интерес к археологии проявился достаточно рано. По окончании мужской губернской гимназии, в 1915 г. он принимал участие в раскопках Воронежской Архивной Комиссии могильника «Частые Курганы»²². По меньшей мере,

¹⁹ *Городцов В.А.* Раскопки «Частых курганов» близ Воронежа в 1927 г. // Советская археология. — IX. — М.—Л., 1947. — С. 13—27.

²⁰ *Святский Д.О.* К созыву III Всесоюзной конференции по краеведению // Известия ЦБК. — 1927. — № 8. — С. 266.

²¹ Цели и задачи Воронежского Отдела «Общества по исследованию памятников древности имени А. И. Успенского» // Воронежский историко-археологический вестник. — 1921. — Вып. 1. — С. 3—4.

²² *Замятин С.Н.* Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем: (Раскопки Воронежской ученой архивной

¹⁴ Там же. С. 92—93.

¹⁵ Там же. С. 108—109.

¹⁶ Там же. С. 109.

¹⁷ Там же. С. 111.

¹⁸ Там же. С. 111.

с сентября 1919 г. он состоял уже в штате Губернского музея, работал губернским инспектором по делам музеев и охране памятников искусства и старины в Губоно, а в 1921 г. становится хранителем археологического отдела музея, где работал вплоть до отъезда в г. Ленинград в 1924 г.²³

Помимо работы в составе Юго-восточной (Костенковской) экспедиции под руководством П. П. Ефименко, о чем уже написано выше, С. Н. Замятниным в 20-е годы был проведен и ряд самостоятельных полевых археологических изысканий.

В 1921 г. он провел незначительные по масштабам раскопки на Ольшанском городище VIII—IX вв. на р. Тихой Сосне и обследовал неолитические поселения на дюнах у с. Ново-Изрожное на р. Оскол²⁴. В 1922—24 гг. были проведены разведки по правому берегу р. Дон до с. Старой Хворостани Острогожского уезда. В 1925 г. С. Н. Замятниным были раскопаны 4 кургана в окрестностях г. Россоши, три из которых содержали захоронения эпохи бронзы, а один — раннежелезного века. В том же году он провел археологическую разведку по берегам Дона от устья р. Воронежа до границы Богучарского уезда²⁵. В 1926 г. им был раскопан могильник салтовского типа у с. Подгоровка (Федоровка) на р. Ураевой Валуйского уезда (всего 7 катакомб) и обследовано селище VIII—IX вв.²⁶

В том же году С. Н. Замятниным была открыта верхнепалеолитическая стоянка у с. Гагарино Липецкого уезда Тамбовской губернии, куда он выехал по приглашению заведующего Липецким краеведческим музеем М. П. Трунова для обследования места находок крупных костей животных. Основные полевые работы в Гагарино были осуществлены С. Н. Замятниным в 1927 г. В ходе раскопок исследователь пришел к выводу о наличии на памятнике постоянного жилища. На стоянке была собрана и значительная коллекция: серия кремневых орудий, женских статуэток, украшений. Исследования здесь были продолжены в 1929 г., когда наряду с раскопками С. Н. Замятниным была

проведена также разведочная шурфовка стоянки и снят инструментальный план. Результаты раскопок были опубликованы в виде краткой информации в 1929 г. и обстоятельно в 1935 г.²⁷ С этого времени Гагарино прочно входит в специальную литературу как один из опорных памятников в изучении эпохи палеолита, его материалы широко используются при разработке основных вопросов палеолитоведения²⁸. Уместно напомнить, что обнаружение здесь остатков долговременного жилого сооружения изменило представление об уровне развития общества в эпоху позднего палеолита. Это определило и коренной поворот в методике исследования стоянок, принципиально новая была разработана в 30-е годы П. П. Ефименко. Это открытие было признано настолько значительным, что С. Н. Замятнин был избран действительным членом Международного антропологического института в Париже²⁹.

В 1927 году совместно с Л. А. Динцес С. Н. Замятнин организует раскопки энеолитической стоянки у с. Острожка близ Воронежа на левом берегу р. Воронеж. А два года спустя он раскапывает курганы со скорченными костяками (эпохи бронзы) у сел Донское, Мазанки (Засосенки), Патриаршее на Верхнем Дону (современная Липецкая область)³⁰. К сожалению, материалы этих работ так и не нашли отражения в его публикациях.

Кстати сказать, первые публикации по археологии С. Н. Замятина относятся именно к анализируемому периоду. В 1921 г. выходит в свет его статья “По поводу археологической карты Воронежской губернии”, где он критически анализирует проделанную его предшественниками работу и предлагает свою программу по учету памятников археологии на территории края³¹. По всей видимости, это была часть его дипломной работы, защищенной в 1922 г. в Воронежском отделении Московского археологического института имени А. И. Покровского.

комиссии 1910—1915 гг.) // Советская археология. — М.—Л., 1946. — Т. VIII. — С. 12.

²³ Акинъшин А. Н. Археолог Сергей Николаевич Замятнин (1899—1958): воронежские страницы биографии // Исторические записки: Науч. труды истор. ф-та ВГУ. Вып. 8. — Воронеж, 2002. — С. 211.

²⁴ Замятнин С. Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах (Извлечение из дневников) // Воронежский историко-археологический вестник. — 1921. — Вып. 2. — С. 35—39.

²⁵ Археологические экспедиции ГАИМК и ИА АН СССР 1919—1956 гг.: Указатель. — М.: 1962. — С. 33.

²⁶ Там же. С. 42.

²⁷ Замятнин С. Н. Экспедиция по изучению культур палеолита в 1927 г. // Сообщения ГАИМК. Т. II. — Л., 1929. — С. 209—214; Он же. Раскопки у села Гагарина (верховья Дона, ЦЧО) // Известия ГАИМК. Вып. 118. — М.—Л., 1935. — С. 26—77.

²⁸ Тарасов Л. М. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. — Л., 1979; др. работы.

²⁹ Решетов А. М. Трагико-комический случай из жизни С. Н. Замятина (к вопросу об аресте С. Н. Замятина) // Локальные различия в каменном веке. Тезисы докл. на междунар. конф. — СПб., 1999. — С. 46.

³⁰ Археологические экспедиции ГАИМК и ИА АН СССР 1919—1956 гг.: Указатель // М.: 1962. — С. 49.

³¹ С. Н. З. По поводу археологической карты Воронежской губернии // Воронежский историко-археологический вестник. — 1921. — Вып. 1. — С. 43—47.

В 1922 г. С. Н. Замятнин публикует “Очерки по доистории Воронежского края”, в которых дает обзор имеющихся в Губернском музее материалов по эпохам камня и бронзы. Благодаря деятельности С. Н. Замятнина в Губернском музее была начата целенаправленная работа по систематизации археологических фондов и организации экспозиции соответствующего профиля, впоследствии продолженная уже благодаря усилиям Н. В. Валукинского.

В 20-е годы начинается и планомерное археологическое изучение Тамбовского края, связанное, прежде всего, с деятельностью Петра Петровича Иванова, благодаря которому в 1918 г. был создан Моршанский историко-археологический музей³². Став его директором, он получает возможность собирать древности и производить археологические раскопки в Моршанском уезде. В 20-е годы им были организованы раскопки на четырех археологических памятниках: в 1924—1925 гг. на стоянке Сокольники (правый берег р. Цны), где были обнаружены неолитическая керамика, кремневые орудия; в 1927—1928 гг. на площади Елизавет-Михайловского могильника (правый берег р. Моршевки), где было исследовано 136 древнемордовских погребений VIII—XI вв.; в 1928 г. был частично исследован и Пановский могильник, где было обнаружено 158 древнемордовских погребений; с 1929 г. начинается изучение Крюково-Кужновского могильника (правый берег р. Цны), который к настоящему времени является одним из наиболее крупных древнемордовских некрополей³³.

³² Моисеев Н.Б. Археологические исследования в Тамбовском крае. Тамбов, 1999. — С. 10.

³³ Там же. С. 25, 26.

В начале 20-х гг. членами общества истории, археологии и этнографии Тамбовского края И. М. Катаевым и П. Н. Черменским совместно со слушателями Тамбовского университета была обследована Периксинская стоянка (обнаружены керамика, кремневые и костяные орудия, зольники) и произведены незначительные раскопки селища XVII века у с. Татаново Тамбовского района³⁴. В 1927 г. Н. Н. Демин открыл несколько неолитических стоянок недалеко от г. Мичуринска: Подзоровская (левый берег р. Воронеж) и Глинище (правый берег р. Воронеж), впоследствии обстоятельно исследованные специалистами³⁵.

Таким образом, в 20 гг. XX века археологическое изучение Центрального Черноземья базировалось на сохранении и развитии выработанных ранее традиций в сочетании с ростом инициативы местных общественных и научных кругов. При этом преемственность сочеталась с заметными сдвигами во всех аспектах археологической деятельности, прежде всего в изучении палеолитических памятников. Мне представляется справедливой точка зрения тех исследователей, которые считают, что благодаря именно сочетанию традиционных направлений с инновациями в 20-е гг. был создан “запас прочности”, позволивший археологической науке сохранить себя самой и сохранить исследовательский арсенал и основной путь своего развития в лихолетье конца 20-х — начала 30-х-гг.³⁶

³⁴ Там же. С. 11.

³⁵ Там же. С. 29, 30.

³⁶ Мерперт Н.Я. Введение // Антология советской археологии. — Т. 1 (1917—1933). — М.: 1995. — С. 9.